

лось в мою там бытность.

Есть ли принять в разсуждение сумму вывозимых нашими купцами оттуда товаров, гораздо за миллион талеров простирающуюся в одну только ярмарку, ибо и на другую приезжают другие уже купцы, и сравнить с тем привозимые для продажи наши продукты, то не можно не жалеть о таковом к ущербу нашей торговли служащем баланс и не желать, чтобы купечество наше было поосторожнее и между собою согласные. На таковой конец тамошнее купечество весьма часто внушало мне, чтобы я уговаривал наших туда приезжающих купцов завести порядочную кантору и определить особаго человека, могущаго производить как корреспонденцию с обеих сторон, так и оставляемые в Лейпциге ими товары продавать заблаговременно, и который бы всегда находился лично при подписании векселей и при заключении контрактов на поставляемые с обеих сторон товары или на заказываемые в срок другия какия вещи, говоря что им весьма уже наскучили производящая часто от недоразумений споры и разныя неудовольствия. Хотя притом по-видимому и стремилась их цель к тому, чтоб себя обезпечить когда российских продуктов будет там лежать в большом количестве и потому можно бы было давать безопаснее на кредит нашим купцам свои товары.

Но нельзя и того не приметить, чтобы здесь не видна была с нашей стороны польза, ибо вместо того, что купцы наши приехав туда не вовремя на ярмарку с товарами, стараются поскорее сбыть их с рук, могут они складывать их в сохранное место и поручить надежному человеку до будущей ярмарки, которой тогда, по неприбытию еще новых товаров, мог бы их по крайней мере продать за сходную цену, поелику французы приезжают в Лейпциг для покупки пушных товаров всегда почти впрдь за две недели до открытия настоящей ярмарки. И также уезжают оттуда заранее по своим другим расчетам, как напротив наши едва поспевают приездом своим по открытии ярмарки. И хотя я им многократно представлял, каким образом происходит там наивыгоднее продажа пушных товаров и в какое именно время, только всегда от них слышал, что невозможно им заранее высылать туда своих товаров по причине разновременных ярмарок, на коих они скупают те товары, и что при всей поспешности их едва и в таковое время товары свои туда доставлять могут. Но исследование представленных ими на сие доказательств и причин, отчасти справедливых, требует написания многих листов бумаги.

В пятилетнее мое в Лейпциге пребывание, занимаясь продолжением наук и обращаясь между тем в коммерческих делах, доставлявших мне довольное содержание, имел я щастие приобрести себе как от та-

мошняго, так (Л. 30) и российского купечества доверенность, при которой стараясь сколь можно проникнуть в торговые обороты, весьма ощутительно я приметил, что производство оных со стороны российских купцов требует великой расторопности. Усердствуя соотечественникам моим, предостерегал их во многих случаях от убытков, чем они очень довольны были. Но не могу скрыть и того, что сами они по большей части были причиною невыгодам своим от взаимной недоверчивости и несогласия. <...> Немцы, примечая за моим поведением и удостоверясь многими опытами о моем в коммерческих запутанных делах всегда неизменно оказываемом безпристрастии, убеждали меня на самых выгодных условиях остаться в Лейпциге, кроме полагаемаго ими мне в год обыкновеннаго жалованья по тысячи талеров. <...> Когда же я на то не соглашался, сказав им, что не хочу зависеть от частных людей, то по домогательству их предложил мне тамошний магистрат, как единое главное всего города правительство, чтобы я вступил в должность присяжнаго переводчика на всех выгодах и условиях, коими пользуются тамо переводчики греческаго, венгерскаго и турецкаго языков, от него уже зависящие. Но как главная цель поездки моей в чужие края единственно стремилась к тому, чтобы по приобретении вящшаго в науках познания, возвратясь в Отечество свое, мог посвятить себя на службу Ея Императорскаго Величества, то и последняго предложения не принял, несмотря на все убеждения со стороны тамошняго купечества и магистрата. <...>

ОР РНБ. Ф. 830. Т. 1. Л. 26об.—30.

Примечания

¹ ОР РНБ. Ф. 830. Т. 2.

Д. З. Фельдман

РОЛЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в. (по материалам РГАДА)

Проживая в диаспоре в различных странах, то есть, будучи оторванным от своей исторической родины в Палестине, еврейский народ в силу ряда причин перешел от своих исконных занятий хлебопашест-

вом и скотоводством к преимущественно городской жизни с присущими ей формами предпринимательской деятельности: торговлей, финансовым делом, ремеслами, арендаторством, факторством и проч. Переориентации целого народа к новым условиям существования способствовало то, что он занял пустующую нишу в социально-экономической структуре раздробленной средневековой Европы и за многие столетия прочно утвердился в ней. Несмотря на то, что в религиозном отношении евреи представляли собой довольно обособленную группу населения, реально они исполняли общественную роль связующего звена между непосредственными производителями-крестьянами и горожанами-потребителями. В ряду их многочисленных занятий постепенно главное место занимает торговля, преимущественно мелкая.

В Польско-Литовском государстве евреи не имели никакого признанного статуса и по сути были выделены в особую общественную группу, а льготы и привилегии получали от верховной власти персонально или общинами. Положение их мало изменилось и после первого польского раздела 1772 г., когда к России отошла восточная часть Белоруссии с еврейским населением, оцениваемым примерно в 60 тыс. чел. При этом императрица Екатерина II пообещала иудеям сохранение всех тех прав, которыми они обладали ранее. Характеризуя положение этого народа в России в дальнейшем, отметим, что Екатерина первой из монарших особ столкнулась с таким массовым появлением еврейского населения в пределах империи со всеми вытекающими из этого проблемами. Поэтому в политике по отношению к евреям на всем протяжении ее правления явственно видятся две противоречивые тенденции, определяемые ее прагматичным подходом в соответствии с принципами «просвещенного абсолютизма». С одной стороны, усилия правительства были направлены на извлечение максимальной пользы из экономической деятельности евреев, составлявших важный элемент в хозяйстве региона, и вместе с тем власти старались не вызывать недовольства местного населения. По мере роста территорий, густо заселенных иудеями (после польских разделов 1793 и 1795 гг. и присоединения к России Правобережной Украины, Центральной и Западной Белоруссии и Литвы, а также Курляндии, их количество приближалось к 900 тыс. чел.), постепенно исчезают первые колебания императрицы между сословным уравнением их с христианами и регламентацией еврейской экономической жизни (вытеснение из деревень и питейного промысла, обложение двойной податью) вкупе с фактическим формированием «черты оседлости».

Однако остается фактом то, что именно в России при Екатерине II евреи впервые в мировой практике законодательно получают равные

права с соответствующими категориями христианского населения. В городах и местечках, помещичьих имениях и селениях евреи занимались торговлей и промыслами, поэтому в сущности все еврейское население носило характер торгово-промышленного класса, который после введения в Белоруссии в 1778 г. «Учреждения о губерниях» был разделен на мещанство и купечество трех гильдий. Но частично оторванные кагальной организацией от прочего населения в податном и административном отношениях, евреи не могли войти в общую массу торгово-промышленного сословия, пока не были приписаны к той или иной категории. Поэтому в 1779 г. евреи обратились к Екатерине II с просьбой о записи в купечество. Императрица возлагала свои надежды на предпринимателей, на «среднего рода людей» (а евреи представляли собой именно этот элемент); учитывая это, она поддержала их ходатайство. 7 января 1780 г. был опубликован именной указ белорусскому генерал-губернатору гр. З. Г. Чернышеву о разрешении евреям Могилевской и Полоцкой губ. записываться в купечество. С этого момента начинается процесс внедрения евреев в российский государственный «организм». В 1784 г. в Могилевской губ. в купечестве числилось 10% (среди христиан — 5,5%); в Полоцкой губ. иудеи уступали в процентном отношении христианам, среди которых купцы составляли 7,5%, но все же и здесь из среды еврейского населения 6,5% записались в купечество. Остальные евреи, которым по причине недостаточности торгового капитала доступ в купечество был закрыт, в 1783 г. были включены в мещанское сословие (не записанные в цехи мелкие ремесленники, не состоящие в гильдии мелкие торговцы, городская беднота). Тогда же именованным указом Екатерины II Сенату от 3 мая 1783 г. последовало распоряжение обложить евреев податями «по состояниям, в какое они запишутся, без различия закона и народа». Таким образом, еврейское население было распределено по двум сословиям.

Рассмотрение экономической деятельности российских евреев в принципе невозможно в отрыве от анализа политических мотивов действий центральных властей на тот или иной момент, ибо без учета внутривластной обстановки картина еврейского предпринимательства будет неполной. Например, о лояльном отношении к иудеям Екатерины II в начале своего правления свидетельствует следующий факт. Несмотря на принятый 4 декабря 1762 г. манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России», императрица поручает в 1764 г. нескольким евреям колонизацию пустынного Новороссийского края иностранцами, сосредоточив это дело в Риге, и, как бы в виде компенсации за такую услугу, предоставляет этим предприимчивым иудеям право жить и торговать здесь. Так как евреи

по закону не могли иметь постоянное проживание в Риге и допуск в Новороссию, то был придуман обходной путь: присвоить им звание «новороссийских купцов», которое затушевывало национальность, и выдать им паспорта без упоминания «нации и закона» для проезда в столицу. Более того, по именному указу Екатерины II от 23 мая 1764 г., с этими четырьмя купцами (Д. Бамбергом, А. Мозесом, Б. Бером и Л. Вульфом) заключается контракт на три года о предоставлении им монополии на торговлю казенным ревенем за границу. По сути, указанные купцы стали первыми отечественными еврейскими предпринимателями.

Российский рынок оказался весьма привлекателен для опытных еврейских купцов, увидавших в нем большие потенциальные возможности для развития торговли, в т. ч. международной. Об этом свидетельствуют архивные документы. В июле 1784 г. четыре митавских купца И. Вульф, И. Мойзес, Б. Менасе и Ю. Исаак обратились к президенту Коммерц-коллегии гр. А. Р. Воронцову, посланному императрицей для ревизии Остзейского края, с просьбой о записи в российское купечество. Как следует из прошения, несколько ранее государыня удовлетворила идентичную просьбу шестерых митавских купцов Э. Исаака, С. и С. Боркумов, М. Бера, В. и М. Якобов.

4 февраля 1785 г. вышел именной указ рижскому и ревельскому генерал-губернатору гр. Ю. Ю. Броуну о позволении еврейским купцам записываться в купеческий оклад посада Шлок Рижской губ. (присоединенного к России от Курляндии). Надо полагать, что с принятием положительного решения торговля в данном регионе оживилась.

В 1782 г. сенатским указом было разрешено всем купцам переходить из города в город, «смотря по удобности их коммерции» и «для приращения казенных интересов». Евреи также воспользовались этим правом и стали записываться в оклад сначала смоленского, а позднее и московского купечества. Так, московскими купцами 1-й гильдии записались в 1788 г. М. Г. Мендель (кенигсбергский купец) и Е. Г. Янкелевич (могилевский купеческий сын), в 1789 г. — Г. Израилевич (могилевский купец 1-й гильдии). По данным Санкт-Петербургского городского магистрата, в местное купечество были записаны два крещеных еврея: К. И. Яновской (в 1786 г. из Могилева) и А. А. Янкейевич (в 1788 г.).

Помимо немногочисленных еврейских предпринимателей, записавшихся в московское купеческое общество, множество торговцев-иудеев приезжало в столицы по своим коммерческим делам. Активную торговую деятельность осуществляли в Москве белорусские купцы И. Гиршевич, И. Шевтелевич, Х. Файбешевич, Л. Масеевич и др. Мо-

гилевский купец Н. Х. Ноткин в 1790 г. проводил коммерческие операции в городе в товариществе с двумя местными русскими купцами. Именно евреи привозили сюда эксклюзивные товары из Италии, Франции, Германии, Голландии, Англии и других европейских стран, используя свои тесные связи с зарубежными еврейскими коммерсантами. При этом следует отметить, что цены на их продукцию были заметно более низкими, нежели у русских купцов, за счет чего ускорялись сбыт товаров и оборот капитала.

В конце XVIII в. одним из центров транзитной торговли России с Европой было местечко Шклов Могилевской губ., лежавшее на пути из Польши и отличавшееся высоким уровнем развития промышленности и коммерции, которая в значительной степени осуществлялась евреями. Иудейское население Шклова составляло более половины всех его жителей. Здесь же, в Гостином дворе, проживали и торговали многочисленные еврейские купцы, записанные по разным городам: Полоцку, Могилеву, Витебску, Мстиславлю, Кременчугу, Копыси и Бабиновичам. Например, в Санкт-Петербурге в 1789 г. свои финансовые операции вели могилевский купец 2-й гильдии Б. Лейбович и бабиновичский купец 2-й гильдии Г. Нахманович. Последний из них с 1786 г. торговал в Москве пушниной и другими товарами, при этом ежегодно покупал продукции до 20—30 тыс. руб.; год спустя к нему присоединяется достигший совершеннолетия сын Н. Гешелевич, привозивший товары из немецких городов, — так появлялись купеческие династии. В Москве торговали комиссионеры еще двух могилевских купцов, живших в Шклове, — М. Лейзаровича и А. Гиршича. Некоторые местные коммерсанты осуществляли свои дела в Риге. Крупными центрами еврейской торговли в этот период считались Минск, Вильно, Брест, Ковно, Гродно и др.

Что касается товаров, перевозимых евреями, то их перечень весьма разнообразен. Приведем в качестве примера лишь фрагмент одной записи, сделанной на Брестской пограничной таможенной заставе, о составе ввозимого груза одного из купцов: бумага, купорос, сажа, гусяное перо, шерстяная пряжа, вата, клей, сандал, жесь, железная и фаянсовая посуда, свинец, дробь, бутылки, лопаты, столярные и слесарные инструменты, квасцы, сухая горчица, оливки, масло, сельдь, лимонный сок, сахар, имбирь, пшено, цикорий, черный перец, сало, уксус, перловая крупа и проч. Среди продукции, вывозимой евреями за границу, упоминаются рожь, пшеница, пенька, лен, рогажи, табак, конопляное семя, мочала, поташ, смола, лубяные изделия и проч.

До конца 1780-х гг. еврейское купечество довольно успешно осуществляло свою профессиональную деятельность на достаточно широ-

ком пространстве Российской империи, включавшем Западный край и Белоруссию. Первым тревожным сигналом стал запрет Сената белорусским купцам-евреям с семьями записываться в оклад смоленского купечества в декабре 1789 г.; инициаторами его стали местные русские торговцы. А уже в январе—феврале 1790 г., воспользовавшись юридическим прецедентом, группа московских купцов из более 200 чел. обратилась к городским властям с подобной же просьбой: исключить из оклада местного купечества трех евреев и вообще запретить им даже временное пребывание здесь для торговли. Просители сообщали, что евреи записались московскими купцами незаконно, ведут коммерческие операции с нарушением правил, обрезают золотую и серебряную монету и вывозят ее в Польшу и Пруссию; наконец, москвичи обратили внимание на то, что дешевизна импортных мануфактурных товаров евреев подрывает их торговлю. Кроме того, довольно явственно прозвучала мысль о «вреде» всех иудеев для государства. По сути же жалоба христианских торговцев была направлена не только против евреев, но и против интересов русского потребителя, которого эксплуатировали коренные монополисты торговли и который лишался дешевых товаров, привозимых евреями из-за рубежа. Соображения конкуренции в данном случае оказались решающими.

Результаты рассмотрения этого дела были подведены в октябре 1790 г. на Совете при высочайшем дворе, куда представил свое «мнение» главный эксперт в данном вопросе, руководитель коммерческого ведомства А. Р. Воронцов. Итоговая резолюция содержала тезисы о том, что евреи по манифесту Екатерины II 1762 г. не имеют права записываться в купечество во внутренних российских городах и портах и что в допуске их к этому не усматривается никакой пользы. В то же время предлагалось предоставить евреям право «гражданства и мещанства», которое они имели в Белоруссии, еще и в Новороссийском крае. Данное положение юридически закрепляется именным указом Екатерины II Сенату от 23 декабря 1791 г.; тем самым было положено начало фактическому складыванию черты еврейской оседлости, ставшей основой всего русского законодательства о евреях до начала XX в.

С этого времени деятельность еврейского купечества, в т. ч. иностранного, разворачивается лишь в западной и юго-западной частях Российской империи. В правление Николая I евреям-купцам 1-й и 2-й гильдий разрешили приезжать на ограниченный срок в Москву и Ригу для закупки товаров. Только в 1859 г., при Александре II, выходит закон о предоставлении евреям-купцам 1-й гильдии (состоявшим в ней пять лет) права проживания и торговли во всех губерниях России. Но

их количество было ничтожно по сравнению с основной массой еврейского населения, зажатого в тисках черты оседлости.

С. К. Лебедев

КУПЦЫ-БАНКИРЫ В РОССИИ XVIII в.

Феномен купца-банкира (известного в литературе как *merchant-banker*) принадлежит периоду нерасчлененности торговой и кредитной функций приблизительно до XIX в. Торговля товарами и торговля деньгами связаны изначально и более органично, в отличие от банкового и промышленного предпринимательства.

Итак, взглянем на период торгового преобладания в банковском деле¹. Правильно организованное банковское дело появилось в России довольно поздно, в XVIII в., и, как и во многих других странах, у его истоков стояли иностранцы. Иностранные купцы в России сохраняли непосредственные связи с европейским кредитом. По наблюдениям В. Н. Захарова, в начале XVIII в. денежный кредит у иностранцев значительно превышал товарный, что объяснялось преобладанием вывоза иностранными купцами русских товаров над ввозом европейских и использованием ими своих капиталов в чисто ростовщических операциях. Больше половины иностранного денежного кредита в тот период получала русская провинция областей, производивших экспортные товары. Кредит выдавался до 1 года из 10—12% годовых. В Петербурге крупные русские купцы составляли около 30% клиентов иностранцев по денежному кредиту (в Москве — 18%). В сделках между собой и со своими европейскими партнерами иностранцы использовали вексель — более совершенное орудие кредита, чем заемная кабала. Русские купцы также иногда обменивались векселями с иностранцами через европейские банки, участвуя таким образом в системе европейского коммерческого кредита².

Слабое развитие кредитных учреждений и частных банкиров как следствие общей проблемы в России (нехватки свободных капиталов) было особенно ощутимо в XVIII в. в Петербурге — городе с высокой активностью торгово-промышленной деятельности населения. Купцы покрывали недостаток оборотного капитала кредитом у иностранных торговых домов³. К 1790-м гг. петербургская торговля составляла в своей массе более 2/3 «всего торгового оборота в государстве»⁴ и потому характер-